

I. WEGNER. *Einführung in die hurritische Sprache*. Wiesbaden: Harrassowitz, 2000. 265 s.

Монография И. Вегнер содержит очерк хурритской грамматики, построенный по обычной схеме: состав памятников языка, время и ареалы распространения, диалекты (с. 15–27); генеалогическая и типологическая классификация (с. 29–36); фонетика и орфография (с. 37–44); морфология (с. 45–100); синтаксис (с. 101–106). Отдельная глава посвящена особенностям старохурритских диалектов (с. 107–118). Оставшуюся часть работы составляют упражнения (с. 123–126), историографический очерк (с. 127–130), фрагменты хурритских текстов с грамматическим анализом и переводом (с. 131–211) и указатели (с. 213–265).

Это уже шестая по счету грамматика хурритского языка¹. К концу 1990-х годов более ранние очерки успели устареть: И. Вегнер отмечает отсутствие «актуальных обобщающих работ» (с. 7). Пересмотреть ряд представлений о языке заставил прежде всего материал Богазкейской хурритско-хеттской билингвы², открытие которой вызвало значительный рост числа публикаций о хурритской грамматике и лексике. И. Вегнер – автор многих из них и один из главных представителей ведущей сейчас немецкой школы хурритологии (И. Вегнер, Г. Вильхельм, Э. Ной, Х.-Й. Тиль, Ф. Хаас, К. Гирбаль и др.). Новая книга, без сомнения, отражает современное состояние знаний в этой области: И. Вегнер почти всегда следует господствующей точке зрения, а если таковой не существует – излагает все обоснованные версии.

Сравнив монографии И. Вегнер и М.Л. Хачикян³, можно проследить развитие хурритологии за последние пятнадцать лет. Некоторые разделы – о диалектном членении (с. 26–27), генеалогической принадлежности и морфологической типологии языка (с. 29–33), орфографии и фонетике (с. 37–44) – почти не содержат новой информации; многие, напротив, отличаются очень существенно. В новой монографии, в частности в разделе о памятниках хурритского языка (с. 15–25), были, конечно же, учтены хурритские тексты и ономастический материал, открытые после появления книги М.Л. Хачикян. Иначе стала выглядеть реконструкция именной морфологии (с. 46–70): пересмотрены значения, этимология и законы применения некоторых из множества хурритских словообразовательных суффиксов; падежную парадигму дополнили экватив (окончания -ппа или -уџ в зависимости от диалекта), инструменталис (окончание -ае) и «е-падеж» (окончание -е) и покинули «директив II» на -di и локатив на -a⁴; уточнены также функции и названия некоторых других падежей. Изменилась интерпретация так называемого «артикля» -ni/-па: если у М.Л. Хачикян это еще «соотносительно-определятельная частица»⁵, то у И. Вегнер – уже исключительно реляционная, синтаксически связывающая определение и определяемое (главное) слово; следовательно, артиклем она больше не считается (с. 54). Пополнились знания о местоимениях (с. 54–55, 71–73): открыты притяжательный суффикс 2 л. мн. ч. (-šū) и очень многие падежные формы самостоятельных личных местоимений 1-го и 2-го лица обоих чисел; уточнена семантика ряда указательных и вопросительных местоимений.

Наиболее существенные изменения претерпели представления о морфологии и синтаксисе хурритского глагола. Давно известно, что в хурритском языке по-разному спрягаются переходные и непереходные глаголы (I и II спряжения по М.Л. Хачикян) и имеются две различные конструкции предложения – эргативная и абсолютная: в первой субъект переходного действия стоит в эргативе, объект – в абсолютиве; во второй субъект непереходного действия стоит в абсолютиве. Однако не все предложения укладываются в эту типичную для эргативного языка схему – иногда в абсолютиве стоит субъект переходного действия, а глагольная форма

¹ Считая следующие работы: *Speiser E.A.* Introduction to Hurrian. New Haven, 1941 (AASOR. 20); *Bush F.W.* A Grammar of the Hurrian Language. Brandeis University Ph. D. Ann Arbor, 1964; *Diakonoff I.M.* Hurritisch und Urartäisch. München, 1971 (MSSBNF. 6); *Thiel H.-J.* Phonematik und grammatische Struktur des Hurritischen // Das Hurritologische Archiv (Corpus der hurritischen Sprachdenkmäler des Altorientalischen Seminars der Freien Universität Berlin). B., 1975; *Хачикян М.Л.* Хурритский и урартский языки. Ереван, 1985 (Хурриты и урарты. 2). Кроме них существуют еще несколько кратких очерков в сборниках и справочниках.

² Комплекс таблиц, содержащий эпический текст на хурритском и хеттском языках и найденный в Богазкёе в 1983 г. Сводный текст билингвы опубликован в 1990 г.: *Otten H.* Die hurritisch-hethitische Bilingue und weitere Texte aus der Oberstadt. Lpz, 1990 (KBo. 32); перевод и комментарий – в 1995 г.: *Neu E.* Das Hurritische Epos der Freilassung I. Wiesbaden, 1996 (StBoT. 32).

³ *Хачикян.* Хурритский и урартский языки.

⁴ Есть у М.Л. Хачикян (Там же. С. 72).

⁵ Там же. С. 71.

сочетает в себе признаки обоих спряжений: например, переходную семантику основы и показатель переходности (-i-) и при этом характерные для непереходного спряжения показатель отрицания (-kk-) и личные окончания. М.Л. Хачикян называет такую конструкцию предложения эквативной, а подобные глагольные формы считает причастиями, т.е. предлагает воспринимать предложения этого типа как именные⁶. Согласно И. Вегнер, в хурритском вообще нет причастий, а для объяснения описанного явления она использует термин «антипассивное предложение» (с. 34 и др.) и реконструирует третье, «антипассивное» спряжение – для безобъектных переходных глаголов (изредка в «антипассивной» конструкции все же называется объект, при этом он стоит в эссиве – с. 111). В каких случаях носители языка предпочитали «антипассивную» конструкцию эргативной, остается неясным; очевидно лишь, что «антипассивные» предложения чаще встречаются в старохурритских текстах.

Новая реконструкция системы спряжений позволила иначе определить принципы употребления ряда глагольных морфем в старохурритских диалектах. В «нормальном» хурритском используются показатели переходности -i- и непереходности -a- и окончания субъекта 3 л. ед. ч. -a (переходного действия) и нулевое (непереходного действия); однако в более древних или архаизирующих текстах на позиции показателей переходности и непереходности может находиться также морфема -u- (-o-), а особый показатель 3 л. ед. ч. -b (с вариантом -m)⁷ – обозначать субъект как переходного, так и непереходного действия. М.Л. Хачикян предполагает здесь следы некогда характерного для хурритского языка «фиентивного» («активного») строя, который различает не переходные и непереходные глаголы, а глаголы действия и глаголы состояния: окончание -b (-m) она считает показателем субъекта действия (переходного или непереходного), противопоставляемым показателю субъекта состояния (ноль или -n)⁸. В морфеме -u- М.Л. Хачикян видит показатель одновременно перфекта и переходности⁹; от нее она отличает показатель состояния -o-¹⁰. И. Вегнер (с. 110–111) объясняет морфему -b (-m) как универсальное личное окончание 3 л. ед. ч. (иногда и мн. ч.), обозначающее: субъект непереходного действия после показателя непереходности -a-; субъект переходного «антипассивного» действия после показателя -i- (в обоих случаях чаще всего в варианте -b); (логический) субъект переходного «эргативного», т.е. имеющего (логический) объект в абсолютиве, действия после показателя -u-/o- (как правило, в варианте -m; иногда утрачивается). Таким образом, в старохурритском действительно существуют два показателя переходности, но различаются они не по видо-временному признаку, а в зависимости от «антипассивной» или эргативной конструкции предложения. Существование показателя состояния -o- И. Вегнер не признает и тем не менее отмечает, что далеко не все содержащие морфему -u-/o- глагольные формы интерпретируются как переходные.

Немало новых черт имеет реконструкция неиндикативных глагольных форм хурритского языка. В образовании ряда наклонений участвует содержащая фонему /l/ морфема: М.Л. Хачикян предлагает видеть в ней показатель -ll- с оптативной семантикой¹¹, И. Вегнер – либо показатель волюнтатива (оптатив у М.Л. Хачикян) -le, либо суффиксы -il- и -ol- с неясным модальным значением (с. 92–93). Новые тексты позволили также реконструировать несколько ранее неизвестных форм косвенных наклонений: императив мн. ч. на -eš, кондиционалис 3 л. мн. ч. на -evaš, интенсив-дезидератив 3 л. на -(il)anni (ед. ч.) и -idanni (мн. ч.); в старохурритском – юссив на -o (ед. ч.) и -oš (ед. и мн. ч.), потенциалис 3 л. на -(il)eva (ед. ч.) и -(il)evaš (мн. ч.). Кроме того, в книге И. Вегнер приводятся несколько других редких морфем, значение которых было установлено после появления работы М.Л. Хачикян: отрицания -ud-, -bug-, -ubad-; показатель «дуративного» действия -uva; личное окончание субъекта действия 2 л. мн. ч. -aššu. Наконец, автор, в отличие от М.Л. Хачикян, неоднократно подчеркивает, что эргативный строй реализуется в хурритском языке непоследовательно (с. 35 и др.): главные проявления «расщепленной эргативности» – «антипассивная» конструкция и не различающее субъект и объект действия спряжение глаголов в косвенных наклонениях (выбор значения формы зависит от смысла и контекста).

⁶ Там же. С. 125.

⁷ Окончания -m и -b могут быть как фонетическими вариантами одной морфемы (как считает М.Л. Хачикян: Хурритский и урартский языки. С. 82), так и разными морфемами – И. Вегнер не дает окончательного ответа на этот вопрос. Если верно первое, получается более стройная реконструкция (вариант, излагаемый ниже).

⁸ Хачикян. Хурритский и урартский языки. С. 96.

⁹ Там же. С. 89.

¹⁰ Там же. С. 92.

¹¹ Там же. С. 104.

Как всякая большая работа, монография И. Вегнер содержит неточности. В частности, на с. 18 и 107 указывается, что в настоящее время известны десять хурритских старовавилонских текстов из Южной Месопотамии и один «субарейский»¹². В этом случае И. Вегнер использует данные Й. ван Дейка, опубликовавшего несколько взаимодополняющих списков старовавилонских «иноязычных» (т.е. не шумерских и не аккадских) текстов и высказавшего ряд предположений об их языковой принадлежности¹³. Однако анализ этих текстов показывает, что в действительности фрагменты на хурритском языке содержат только пять таблиц из списков Й. ван Дейка. Две из них упоминает И. Вегнер¹⁴: на первой записано относительно большое (шестнадцать строк) хурритское заклинание, на другой – шесть отдельных очень кратких (две-три строки) и плохо сохранившихся заклинаний, из которых скорее всего только четыре хурритские. Другие две таблицы содержат копии одного и того же хурритского текста (девять строк)¹⁵; наконец, еще одна – краткое (три строки) хурритское заклинание¹⁶. Таким образом, всего насчитывается не более семи отдельных хурритских текстов из старовавилонской Южной Месопотамии. Идентификация текста на «языке Субарту» как хурритского более чем сомнительна.

По мнению И. Вегнер (с. 29–30), хурритский язык в настоящее время следует считать генетически изолированным: теорию, причисляющую хурритский и урартский к восточнокавказским языкам¹⁷, автор считает недостаточно обоснованной. Более того, И. Вегнер полагает, что материал недавно найденных хурритских текстов свидетельствует против этой теории: в частности, данные Богазкёйской билингвы заставили пересмотреть значения слов *eše* и *hawurpi* («земля» и «небо»; ранее – «небо» и «земля»), следовательно, неверными оказались восточнокавказские лексические соответствия для них. В действительности новый материал скорее подтверждает, чем опровергает выводы И.М. Дьяконова и С.А. Старостина: недавно опубликованная статья последнего содержит около трех десятков новых лексических соответствий, в том числе и для слов *eše* и *hawurpi* с уточненными значениями¹⁸. На нескольких страницах (с. 30–33) И. Вегнер излагает принципы морфологической классификации языков (очень подробно, приводятся даже примеры из старокитайского); наибольшее внимание уделяется, конечно, агглютинативному типу, к которому относят хурритский язык. В частности, автор перечисляет основные признаки агглютинативного языка – однако из них хурритский отвечает едва ли половине¹⁹, хотя его морфология, бесспорно, в основном агглютинативная. М.Л. Хачикян просто констатирует этот факт и очень кратко объясняет смысл явления²⁰ – для очерка хурритской грамматики этого, по-видимому, вполне достаточно.

Реконструкция консонантизма хурритского языка (с. 40) займствована, как указывает автор, из монографий И.М. Дьяконова и М.Л. Хачикян; при этом она, однако, подверглась некоторому упрощению: в частности, в схеме И. Вегнер отсутствуют лабиальные спиранты /ф/ (с аллофоном [β]) и /фф/, полугласный /w/, заднеязычный спирант, условно обозначенный у М.Л. Хачикян как /kh/, хотя предположения о существовании каждой из этих фонем имеют под собой серьезные основания²¹. В монографии используются четыре способа графической

¹² Dijk J. van, Goetze A., Hussey M. Early Mesopotamian Incantations and Rituals. New Haven – London, 1985 (YOS. 11). № 65: заклинание, имеющее шумерскую рубрику *eme su-bir^{K1}* («на языке (страны) Субарту»). И. Вегнер вслед за Й. ван Дейком (Dijk J. van. Fremdsprachige Beschwörungen in der südmesopotamischen literarischen Überlieferung // Mesopotamien und seine Nachbarn. B., 1982 (BBVO. 1). S. 102) полагает, что за этим обозначением скрывается хурритский язык. В статье Й. ван Дейка данный текст обозначен как YOS 11 64, в монографии И. Вегнер воспроизведена эта ошибочная нумерация (с. 18).

¹³ Dijk. Fremdsprachige Beschwörungen... S. 99–103; *idem*. Nicht-kanonische Beschwörungen und sonstige literarische Texte. B., 1971 (VS. 17). S. 8–9; Dijk, Goetze, Hussey. Op. cit. P. 4.

¹⁴ Dijk. Nicht-kanonische Beschwörungen... № 5, 6. Их частичный перевод и грамматический анализ опубликовала М.Л. Хачикян (Из старохурритских заклинаний // Древний Восток. 1976. 2).

¹⁵ Dijk, Goetze, Hussey. Op. cit. № 28=№ 64.

¹⁶ Ibid. № 38.

¹⁷ Diakonoff I.M., Starostin S.A. Hurro-Urartian as an Eastern Caucasian Language. München, 1986 (MSSBNF. 12).

¹⁸ Старостин С.А. Несколько новых хурритских этимологий // ВДИ. 1995. № 2.

¹⁹ «Признаки агглютинативности» (с. 33), которым хурритский не отвечает: «монофункциональный статус морфем»; «отсутствие семантической фузии»; «отсутствие полисемии отдельных морфем»; «слоговая самостоятельность аффиксов». Например, суффикс -š- (силлабически несамостоятельный) в разных ситуациях может означать: эргативный падеж, множественное число, одно из косвенных наклонений (и одновременно лицо) глагола и др.

²⁰ Хачикян. Хурритский и урартский языки. С. 16.

²¹ Там же. С. 35–42.

передачи хурритского текста: силлабическая транслитерация; фонетическая и фонематическая транскрипция; наконец, наиболее часто – условная транскрипция (такая же или очень близкая применяется в большинстве хурритологических исследований в последние десятилетия). Если правила первых трех способов ясны и всегда соблюдаются, то принципы условной транскрипции, напротив, объяснены (с. 44) недостаточно, непоследовательны или нарушаются: так, в интервокальной позиции могут произвольно применяться знаки для звонких и для глухих согласных; для обозначения одного и того же звука (или фонемы) вперемешку используются буквы f и p; v и w; z, š и c. В разделе о морфологии имени (с. 46–70) по неясной причине не упоминаются достаточно продуктивные именные суффиксы типов -Vp-, -Vr-, -Vl- и -(V)k- (диминутивный)²². Наконец, общий недостаток работы – отсутствие библиографии и полных ссылок на многие из цитируемых работ.

Впрочем, очевидно, что названные неточности и упущения малосущественны. Вне всякого сомнения, монография И. Вегнер представляет собой выдающееся исследование, призванное обобщить современные знания, и в то же время полноценное учебное пособие. Иметь эту книгу под рукой необходимо каждому, кто работает с хурритским языком или изучает его.

И. С. Архипов

© 2003 г.

STEFAN BRENNE. *Ostrakismos und Prominenz in Athen: attische Bürger des 5. Jhs. v. Chr. auf den Ostraka* (Tyche, Supplementband 3). Wien: Holzhausen, 2001. 466 s.*

В мировом антиковедении уже около трех десятилетий не появлялось монографических исследований, специально посвященных институту остракизма в классических Афинах¹. О причинах такого положения будет сказано чуть ниже, пока же отметим, что ввиду важности этого института, его истории и функционирования для политической системы афинской демократии необходимость заполнения упомянутой историографической лакуны с каждым годом ощущалась все в большей степени. Теперь, наконец, после столь длительного перерыва в распоряжении специалистов оказалась монография, в заглавии которой фигурирует слово «остракизм». Автор этого довольно увесистого тома² – немецкий исследователь Штефан Бренне, уже и ранее известный как автор нескольких интересных работ об остракизме и острака³ и как один из составителей перечня имен, фигурирующих на острака с афинского Керамика⁴.

В предисловии к книге (с. 15–16) Ш. Бренне говорит об истории ее создания. Интерес к глиняным черепкам, игравшим роль бюллетеней в ходе проведения остракизма, зародился у него уже в студенческие годы, когда, побывав на раскопках в Греции, он смог воочию увидеть в фондах афинского отделения Германского археологического института тысячи острака, найденных в 1960-х годах на Керамике и еще не опубликованных. Дальнейшим занятиям молодого ученого данной проблематикой способствовало его участие в семинаре под руководством одного из крупнейших в XX в. специалистов в области изучения остракизма и острака –

²² Ср. Там же. С. 62–70.

* Работа выполнена при поддержке РФГФ в рамках проекта «Институт остракизма в Афинах классической эпохи» (код проекта 02-01-00010a).

¹ Последние примеры: Vanderpool E. *Ostracism at Athens*. Cincinnati, 1970; Thomsen R. *The Origin of Ostracism: a Synthesis*. Copenhagen, 1972. Из более поздних работ можно назвать лишь книгу М. Лэнг, но это не монография в собственном смысле слова, а публикация острака с Агоры, предваряемая лишь краткой вводной статьей об остракизме, – Lang M. *Ostraka* (The Athenian Agora. V. 25). Princeton, 1990. Разумеется, количество статей по различным аспектам остракизма значительно больше, только за последнее десятилетие они исчисляются десятками. Указание на важнейшие из этих статей см. Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднелархической и раннеклассической эпох: род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII–V вв. до н.э. М., 2000. С. 171. Прим. 23.

² По своему объему рецензируемая монография может быть сопоставлена разве что с трудом Ж. Каркопино, который и по сей день продолжает оставаться наиболее фундаментальным исследованием об афинском остракизме (Carcopino J. *L'ostracisme athénien*. 2 ed. P., 1935).

³ Brenne S. «Portraits» auf Ostraka // MDAI(A). 1992. 107. S. 161–185; idem. *Ostraka and the Process of Ostrakophoria* // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxf., 1994. P. 13–24.

⁴ Willemssen F., Brenne S. Verzeichnis der Kerameikos-Ostraka // MDAI(A). 1991. 106. S. 147–156.